

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1+821.161.1

СОБЫТИЯ 1812 – 1814 ГОДОВ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ПОЛОЦКИХ ИЕЗУИТОВ: ПОЭТИКА И ПОЛИТИКА¹

канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)

На материале панегирических стихотворений на русском и французском языках в честь императора Александра I по случаю преобразования Полоцкого иезуитского коллегиума в Академию (1812) и победы русской армии в антинаполеоновской кампании (1814) рассматривается вклад анонимных поэтов Общества Иисуса в завершение «греческого проекта» российской монархии и оформление нового христианского мифа о России. В качестве источников символической образности выявляются традиционные сюжеты и имена античной мифологии и пророческих книг Ветхого Завета, воспринятые в контексте культуры конца XVIII – начала XIX века. Проводятся параллели с творчеством 1810-х годов российских авторов, графа Д.И. Хвостова, баронессы В.-Ю. Крюденер. Делается вывод о принадлежности произведений полоцких иезуитов одновременно к сфере политической и культурной идеологии и к сфере классической риторики.

Введение. Царствование Александра I было для Общества Иисуса неоднозначным периодом. Это и время наивысших милостей и триумфов – от восстановления ордена на территории Российской империи в 1801 году (хотя папское послание было подписано незадолго до убийства Павла I, разрешение на его публикацию было получено уже от нового монарха в сентябре 1802 года) [см. 1, р. 97 – 102, 110 – 111] до его повсеместного восстановления в 1814 году; и период постоянной борьбы не только за влияние в высших кругах, но еще и за собственное сохранение. Отношение государя к иезуитам также было противоречивым, но вполне соответствующим его непредсказуемому поведению. Подобно своим предшественникам на троне, Александр I соболаговляет посетить Полоцкий иезуитский коллегиум и лично приветствовать генерала ордена о. Франциска Кареу в июне 1802 года², в соответствии с высочайшим указом 1812 года создается Полоцкая академия. Но и по его же воле иезуиты в конце декабря 1815 года изгоняются из Санкт-Петербурга, а весной 1820 – и из пределов Российской империи.

В наши задачи не входит постижение мотивов решений и действий Александра I, мы сосредоточимся на отношении самих иезуитов к императору, выраженному в стихотворениях в его честь, и ограничимся периодом 1812 – 1814 годов. Он оказался чрезвычайно насыщенным событиями, отдельные из которых наложились друг на друга. Преобразование Полоцкого иезуитского коллегиума в Академию с дарованием прав университета было торжественно отпраздновано 10(22) июня 1812 года, а вечером следующего дня войска Наполеона форсировали Неман. Случайно совпавшие во времени, эти события оказались парадоксальным образом связаны в культурном и политическом плане: к обучению и воспитанию полоцких «академиков» было привлечено много священников-иностранцев, в особенности французов³, оказавшихся с началом войны в двусмысленном положении. Вчера они были лояльными «своими», сегодня стали подозрительными «чужими». Не желанием ли оправдаться, утвердиться в роли надежных и верных подданных Российской империи, помимо прочих причин, объясняется более активное обращение иезуитов к французскому и русскому языкам в подносных стихотворениях в честь побед Александра I в 1814 году по сравнению с хвалебными сочинениями в адрес императора по поводу открытия Академии? Так или иначе, оба стихотворных сборника представляются интересными для анализа с точки зрения символической образности и отраженных в них представлений и предвосхищений путей развития политики и идеологии российского императора, от чьей благосклонности зависело слишком многое.

Полоцк – новый Геликон. В одах 1812 года авторы-иезуиты воспроизводят по преимуществу те эпитеты и поэтические клише, которые разные поэты, от Вольтера до их собратьев-предшественников и других местных католических и униатских священнослужителей, использовали еще в панегириках в

¹ Данная статья продолжает серию публикаций автора о литературной деятельности Общества Иисуса на белорусских землях в 1772 – 1820 годах.

² С. Заленский называет в качестве даты визита 11 июня [1, р. 109], П. Пирлинг со ссылкой на рукопись о. Розавена указывает на другой день – 17 июня [2, р. 341].

³ См. список всех членов Общества Иисуса, пребывавших в Белоруссии между 1772 и 1820 гг. [1, р. 450 – 476]; о положении французских священников во время и сразу после войны 1812 г. [1, р. 148, 153 – 155].

честь Екатерины II [3; 4]. В русскоязычном стихотворении «Муза» Александр I представлен как преемник славы своих предков, получающий от них и по факту родства, и по плодам похожих цивилизаторских усилий статус покровителя наук и искусств и, следовательно, имя Аполлона. Муза так обращается к российскому императору:

Обижена судьбой, гонима лютым роком,
В отчаяньи моем, в мучении жестоком,
Я обрела в ТВОЕЙ убежище стране.
Явила свой покров ЕКАТЕРИНА мне;
Преемник СЫН ЕЯ хранил меня у трона,
Во ВНУКЕ же ЕЯ нашла я Аполлона [5, с. 21]¹.

В приведенных строках и в следующем за ними пространным славословии «новому Фебу» помимо достаточно очевидного символического смысла содержится также политический подтекст. Александр I предстает как завершитель великого «греческого проекта» своей прославленной бабушки. Вольтер, когда эта идея еще только приобретала смутные очертания, в письме российской императрице от 14 сентября 1770 года выражал осторожную надежду: «...Если бы Вы были владычицей Константинополя, Ваше Величество, очень скоро основали бы прекрасную греческую академию» («... si vous étiez souveraine de Constantinople, Votre Majesté établirait bien vite une belle académie grecque») [6, p. 143]². Александр I, отказавшись от экспансионистской составляющей проекта, чрезвычайно важной для фернейского патриарха, доводит до логического конца его культурную и, главное, национально-идеологическую часть. В избрании иезуитов он собирает под своей эгидой муз и граций, открывает Академию не в Константинополе, а в Полоцке, превращает запустелую и нецивилизованную провинцию империи в новый Геликон:

Коликих, ГОСУДАРЬ, мне стоило трудов,
Собрать разсеянных грозой, моих богов!
Не зрела в рощах Нимф, ни чудных я Сатиров,
Ни Евров в воздухе, ни в кудрях рощ Зефиров.
Древа росли в густых дубравах без Дрияд,
И в сей Двине струи лилися без Наяд.
Теперь здесь чудные явились перемены;
Явились на горе Парнасской все Камены;
Толпами легких Нимф наполнились леса;
Везде волшебныя явились чудеса... [5, с. 22].

Обратим внимание на соединение мифологических образов и реальных географических координат. Сам по себе прием не нов, но нужно знать, что в стихотворениях иезуитов белорусские топонимы доселе никогда не встречались. Поэтому вдвойне удивительно перемещение Парнаса в Полоцк и превращение Кастаньского ключа в Двину. Название реки настойчиво и разнообразно, почти во всех падежах, упоминается на протяжении всей оды, обыгрывается в разных отношениях: «В спокойной тишине пою песнь над Двиною»; «И злато по Двине Наук ТВОЕ плывет»; «Скорее, ГОСУДАРЬ, Двина свой путь забудет, / Но из доброт ТВОИХ ни шаг забвен не будет»; «Изобразите мне и вашу здесь страну, / И радостны струи лиющую Двину». Автор стихотворения внушает слушателю и читателю мысль, что Двина – не только реальное, но и символическое имя, впервые как литературный образ возникающее благодаря просветительским делам императора.

Новизна, едва ли не первозданность этого имени обеспечивается также тем, что «Муза» – первое известное нам в настоящий момент стихотворение иезуитов на русском языке. Хотя еще в октябре 1802 года министр внутренних дел граф В.П. Кочубей от имени императора приказал ввести изучение русского языка в учебный курс иезуитских коллегиумов и школ [1, p. 111], сами члены ордена долго сохраняли в своем стихотворчестве приверженность тем языкам, на которых они привыкли писать, – латинскому среди древних и французскому среди новых. Например, в 1811 году по случаю посещения Полоцка великой княгиней Екатериной Павловной они по традиции создают сборник подносных стихотворений, куда входят тексты только на латыни, немецком, итальянском и на французском языках [7]³.

На французском языке также написана одна из од по случаю открытия Академии в Полоцке, произведение вторичное по отношению к русскоязычной «Музе». Оно гораздо меньше размером – всего четы-

¹ Здесь и далее в поэтических цитатах сохранены правописание, синтаксис и пунктуация оригинала.

² Здесь и далее перевод с французского наш – Д. К.

³ Возможно, что отказ от русского языка в поэтическом обращении к великой княгине обусловлен также трудностями, которые испытывала Екатерина Павловна при письме на родном языке. На это обстоятельство указывает в связи с историко-культурным и литературным контекстом 1800 – 1810-х годов А.Л. Зорин [8, с. 225].

ре строфы; в нем нет того же богатства античной символики, а присутствуют лишь аллегорические намеки на священное служение Минерве и Марсу и восхищение мудростью и всемогуществом самодержца:

Et qui, lors même qu'Il s'applique
Aux veilles de la Politique,
Aux travaux belliqueux de Mars,
Trouve encor du tems en réserve,
Pour encourager de Minerve
Les sciences et les beaux-arts [5, p. 31].

Тому, который в одночасье может
Дела политики с трудами сочетать
И подвигами в прославление Марса,
Отводит времени себе еще в запас,
Дабы от имени Минервы развивать
Науки и изящные искусства.

В заключительной строфе, обращенной к белорусскому генерал-губернатору герцогу Вюртембергскому (иезуиты предпочитают обращаться к нему «grand prince» – «великий принц», имея в виду его кровное братское родство с королем Вюртембергским Фридрихом I), встречается и центральный образ «Музы» – берега Двины, ему отводится особое, привлекающее внимание место в последней строке стихотворения:

Dis-Lui que nous prenons exemple
Sur le dévouement le plus ample
Qu'un cœur jamais Lui témoigna;
Et que cet illustre modèle
De reconnoissance et de zèle,
Gouverne aux bords de la Dwina [5, p. 32].

Скажи Ему, что мы берем пример
У преданности самой необъятной,
Какую никогда до этих пор
Не изъясняло никакое сердце;
Что сей великолепный образец
Признательности и усердия ныне
Царит на берегах Двины.

Но поэтическое оформление образа оставляет желать лучшего: слово «la Dwina» неудачно рифмуется с глаголом «témoigna». Вообще же подобрать к этому славянскому топониму во французском языке точную рифму, которой в соответствии с канонами должна быть написана вся ода, учитывая также обязательную возвышенность ее слога, чрезвычайно затруднительно. Видимо сообразуясь со сложностями подобного свойства, иезуиты ранее избегали наименований белорусских реалий в своих франкоязычных панегириках, теперь же они вынуждены следовать образности политического мифа. Однако его изложение требует не иностранного наречия, а русского, или, выражаясь в современной терминологии, для оформления национального проекта нужен национальный язык.

Показательно также, что по сравнению с «Музой» во франкоязычной оде появляется новый субъект речи. На смену древнегреческому божеству приходит анонимный поэт, который обращается не только к самому императору, но и к герцогу Вюртембергскому. Для подобного хода имеется как минимум три взаимосвязанные очевидные причины: во-первых, белорусский генерал-губернатор присутствовал на церемонии открытия Академии и упоминание его, высшего представителя светской власти и в то же время особы королевской крови, в панегирике выглядело вполне логичным и даже необходимым; во-вторых, герцог Вюртембергский – тоже иностранец в России (при этом родившийся в Момпельгарде, нынешнем Монбельяре), поэтому поэтическая речь обращена именно к нему и именно на *lingua franca* всей Европы начала XIX века; в-третьих, здесь можно усмотреть тонкий политический расчет. Если принять на веру, вполне возможно, известное и иезуитам свидетельство Жозефа де Местра о невнимательном или даже пренебрежительном отношении Александра I к подносным стихам [9, p. 53 – 54; 10, с. 75 – 76], то можно предположить, что преподобные отцы просят белорусского генерал-губернатора стать надежным покровителем ордена и обеспечить контакт с императором. Однако за достаточно ясными причинами похвалы кроется привычная для иезуитов двусмысленность. Как известно, герцог Вюртембергский был активным членом нескольких масонских лож как в Санкт-Петербурге, так и за границей [11, с. 207 – 208], а Общество Иисуса в начале XIX века видело одну из своих основных задач в борьбе с идеологией масонов. Так в очередной раз иезуиты подтверждают ту нелестную характеристику, что выдала им в свое время Екатерина II, – «мошенники».

Победы русских войск над Наполеоном – от греческих героев к христианским пророкам. Стихотворения на русском языке из полоцкого сборника 1814 года в честь победы в войне с Наполеоном, как и в предыдущем издании, занимают центральное место и содержат те же античные символические образы, доводя до логического и эмоционального предела разработку «греческой» тематики. В «Дифирамбе на бессмертные успехи оружия Александра I во Франции» поэт обращается все к тем же Аполлону и каменам, а вместе с ними и ко всем, кто «напоен чистой водой с Иппокрены», с призывом славить царя-победителя. Тот же «сонм приятный, сонм забавный» фавнов и нимф должен

Со лавровых тьмой корон,
Что рождает Геликон,
Украшать чела Героев,
Славных подвигами воев ... [12, p. 34].

Заметим, что в данных строках нет никакой иной, кроме мифологической, топографии, и у читателя, изучающего сборники 1812 и 1814 годов в хронологическом порядке, не может не возникнуть вопрос:

где же расположен Геликон – по-прежнему в Полоцке или все же в Греции? Ответ, конечно, не сводится к выбору: священная гора теперь – вся Россия, в очередной раз отождествившаяся с Грецией. Об этом прямо говорится в стихотворении «Мнение грядущих веков о войне 1812 года», которое ввиду его малого объема и наглядности можно привести целиком:

Когда и Юг, и Запад целый
 Вооружив Наполеон,
 Ворвался в Росские пределы,
 Термопилы и Марафон,¹
 Фемистокла и Мелкиада¹
 Везде в России встретил он.
 Беллону превзошла Паллада!

В потомки поздние промчит молву наш век:
 Что Ксеркс – Наполеон; а Росс – отважный Грек [12, р. 38].

Такое отождествление не было чем-то уникальным не только для панегирической поэзии того времени, но часто встречалось и в путевых заметках (например, в «Записках русского офицера» Ф.Н. Глинки [13, с. 167 – 170, 175 – 177]), мемуарах, прочих документах, описывавших события Отечественной войны. Важнее обнаружить, какое смысловое измерение оно приобретает в произведениях полоцких иезуитов. Для них общая национальная формула «русские есть греки» вписывается в местный контекст. Основание Полоцкой академии, таким образом, оказывается провидческим вкладом императора Александра I в будущее возвышение духа русской культуры и даже укреплением славы русского оружия, в котором преподобные отцы стремятся принять непосредственное участие.

Совершенно логичным и даже предсказуемым в связи с «греческой» темой и образностью выглядит третье русскоязычное стихотворение рассматриваемого сборника – «Сравнение Александра Российского с Македонским» (в рамках того же риторического образца семнадцать лет назад иезуиты сравнивали Павла I с императором Титом; см. франкоязычное стихотворение, озаглавленное «Madrigal», в сборнике 1797 года [14, р. 72]). «Внук Петров» становится вровень с «Филипповым сыном» и даже в некоторых отношениях превосходит его. Вот как это объясняет поэт из Общества Иисуса:

Коль Македонский Царь Дария победил
 Честь Божеску присвоить он себе возмнил.
 Российский, победив потрясшего вселенну,
 И рушив власть его в Европе дерзновенну,
 Народных даже Он чуждается похвал;
 Но честь и славу всю Всесильному воздал! [12, р. 37 – 38]

В приведенных строках отметим постепенное смещение акцента с античной символики на христианскую. Преимущество российского императора над македонским царем проявляется в почитании Бога, которые делают из него «любви народов всех предмет» и гарантируют более надежный, чем во времена Александра Македонского, всеобщий мир.

В панегириках Александру I на французском языке библейская тематика и символика обозначается более явственно. «Ода» (*Ode*), следующая сразу за «Мнением грядущих веков о войне 1812 года», открывается такими строками, связывающими ее с русскоязычными стихотворениями:

Il est tombé, réduit en poudre	Упал и обратился в прах
Ce colosse, ce fier géant,	Гордец великий, сей колосс,
La main de l'Eternel, sa foudre,	Се длань Предвечного, перун
L'a fait rentrer dans le néant [12, р. 39].	Повергнул вновь его в ничто.

Как представляется, образ колосса, поверженного Богом, хотя и является общим местом многих христианских видений и размышлений о мимолетности земной славы и преходящем характере власти, восходит к Книге пророка Даниила и его второй главе – сну Навуходоносора и его интерпретации – и определяет смысл всей оды. Традиционная эсхатологическая трактовка этого видения, и как катастрофический исторический перелом представляется в оде антинаполеоновская кампания: «Accourez à la catastrophe, / Monarque, peuple et philosophe» [12, р. 39]. Вспомним также, что именно с Книгой пророка Даниила связаны некоторые события (в данном случае неважно – легендарные или действительные) из жизни Александра Македонского. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» пишет о преклонении царя перед первосвященником, привидевшимся ему во сне и предсказавшим ему победу над Персией, а наяву, при встрече, знакомящим с пророчеством Книги Даниила о греке, который должен сокрушить власть персов [15, с. 501 – 502]. Безусловно, в контексте «Сравнения Александра Российского с Македонским» уподобление Александра I

¹ Имеется в виду Мильтиад – афинский военачальник во время греко-персидской войны конца V в. до н.э., герой битвы при Марафоне.

его историческому предшественнику не может быть целиком лестным. Однако возникающее противоречие снимается не столько фактом (все же не достоверным) почитания Бога иудеев греческим царем, сколько характером его отношений с высшими силами – посредством снов, видений, откровений. В истории, рассказанной Иосифом Флавием, Александр Македонский исполняет роль карающей десницы Всевышнего и орудия избавления богоизбранного народа, и во многом схожее значение франкоязычный поэт Общества Иисуса отводит деяниям Александра I, известного своим мистическим умонастроением, в другом стихотворении – «Европа и религия, освобожденные новым Киrom. Дифирамб» (*L'Europe et la Religion mises en liberté par le nouveau Cyrus. Dithyrambe*). Это стихотворение, в отличие от предыдущего, не намекает смутно на традиционные библейские образы, оно парафразирует главы 44 и 45 Книги пророка Исайи, на что указывает сам анонимный поэт в соответствующей сноске. Выбор именно этой пророческой книги в качестве поэтического образца представляется не случайным, поскольку откровения Исайи, как замечает Г.В. Синоло, считаются «одним из самых совершенных поэтических творений на иврите», следовательно и в Ветхом завете, в них «доведен до совершенства жанр поэмы-проповеди, синтетически объединяющий в себе и страстную политическую речь, и лирическую кантату, и философскую медитацию» [16, с. 112]. Все эти жанровые и стилистические черты органично вбирает в себя и дифирамб иезуитов. Стихотворение открывается обращением Бога к новому Киру с призывом перейти от военных подвигов к восстановлению веры и церкви, порушенным «честолюбцем» («un ambitieux») – так иезуиты постоянно именуют во франкоязычных стихах Наполеона):

<p>Naguere il réduisoit ses ennemis en poudre, Il dépose aujourd'hui sa foudre. Dieu lui parle : séchez vos pleurs, triste Sion ! «Mon peuple vers mon trône a fait monter ses plaintes; Cyrus l'exécuteur de mes volontés saintes, Va mettre fin à son affliction ; [...] Dis à Jérusalem : <i>Renais de la poussière !</i> <i>Prends ton sceptre, Judas ! Temple, relève-toi !</i> Tu ceindras la tiare à son pontife-roi : Que par tes mains, il soit remplacé sur sa chaise, Pour enseigner ma loi [12, p. 42 – 43].</p>	<p>Когда-то повергал врагов во прах, Теперь он отложил перун, Бог говорит ему: утри слезу, Сион! «Народ мой к трону моему вознес мольбу; Святой вершитель воли Киr Конец положит униженью твоему; [...] Скажи Иерусалиму: Возродись из пыли! Возьми свой скипетр, Иуда! Храм, восстань! Взложи тиару на понтифика-царя: Рукой твоей посажен вновь на трон, Людей научит он закону моему.</p>
--	--

Как видно из приведенной цитаты, интонации и символика пророческого откровения очень точно воспроизводятся в дифирамбе. Так же и в последующих строфах: Господь обещает своему избраннику, «новому Александру» (эта метафора – связующее звено между двумя франкоязычными стихотворениями сборника и двумя пророческими видениями), уронить горы («Je vais applanir les montagnes») и помочь разбить медные двери («Tu brises les portes d'airain»). Деяния же самого Александра представлены как крестовый поход, освобождение веры от ига «извращенного софизма» («ces sophistes pervers»), который вдохновляет злодеяния Бонапарта. Российский император, с точки зрения анонимного поэта, «возвещает мир, Иисуса Христа и крест» («Il annonce la paix, Jésus-Christ et la croix») [12, p. 45, 46, 47].

Иезуиты не случайно оформляют свой франкоязычный дифирамб 1814 года как «безыскусный» парафраз соответствующих стихов Книги пророка Исайи. Перед нами намеренно подчеркнутое, умышленное «мистическое» слияние Священного писания и свершившегося исторического факта, деяний императора. Провидение руководило Александром – вот что они хотят сказать, полностью сообразуясь с настроениями самого самодержца, для которого, пишет в этом же историческом контексте А.Л. Зорин, как «для настоящего мистика... случайных совпадений не бывает» [8, с. 303]. Гораздо любопытнее другое, историко-литературное, совпадение, которое мы предлагаем рассматривать как таковое, поскольку не имеем никаких сведений о реальных контактах поэтов: в том же 1814 году, между 16 и 30 апреля (последнее число – дата цензурного разрешения) граф Д.И. Хвостов пишет оду «Александр I в Париже апреля 16 дня 1814 года», в которой похожим образом характеризует подвиги российского императора как Христова воина. Однако он пишет по-русски и лишь заказывает переводы своего панегирика на разные европейские языки, в том числе на французский [17]¹. Иное дело иезуиты: они обращаются к ветхозаветной символической образности изначально только на французском языке. На последней странице полоцкого сборника проставлено цензурное разрешение от 1 июля 1814 года, что позволяет датировать франкоязычные сочинения самое позднее концом июня и связать их создание с появлением новостей о взятии Парижа и, главное, о возвращении папы Пия VII в Рим, состоявшемся 24 мая того же года.

Преподобные отцы предвосхищают не только некоторые вытекающие из политической конъюнктуры события, например восстановление понтифика в правах светского государя, они также предугадывают развитие убеждений российского императора. Обратим внимание, что ода и дифирамб, построенные на символической пророческих книг, написаны почти на год ранее, чем состоялась известная встреча

¹ О восприятии персоны Александра I во Франции в эпоху Реставрации [18].

баронессы В.-Ю. Крюденер с Александром I и началось ее духовное влияние на него. Конечно, «провиденциалистские трактовки происшедших событий были в ту пору общим местом и отражали позицию самого императора» [8, с. 258], но иезуиты первыми осмеливаются обратиться к языку побежденной нации при воспевании подобной темы. В дальнейшем духовное освобождение Россией Европы, дарование западным народам «новой веры» станет центральной темой, а соответствующая христианская символика – ведущим типом образности в произведениях баронессы Крюденер на французском языке. Так характеризует самое раннее из них, «Лагерь при Вертю» (*Le Camp de Vertus*, 1815), Е.П. Гречаная: «Написанное по-французски, это сочинение вносит вклад в создание нового русского мифа, изображая русский народ как обличенный провиденциальной миссией спасителя человечества от бездны неверия. Французский язык помогает представить всей Европе загадочную и могучую русскую духовность, которая становится характерной особенностью далекой и незнакомой страны» [19, с. 296]¹. Можно с полным правом добавить, что такой же вклад в создание «христианского» мифа о России вносят и сочинения полоцких иезуитов 1814 года, а функция французского языка в них – та же, что в текстах В.-Ю. Крюденер.

Заключение. Несмотря на умение поэтов ордена соответствовать культурным и идеологическим веяниям своего времени и даже предугадывать высочайшее мироощущение и мировидение, союз с российской властью, как мы помним, у них не сложился. Более того, сами иезуиты впоследствии стали субъектами нового политического мифа, сложившегося во Франции в литературных сочинениях и исторических трудах [22; 23]. Однако причина их фиаско в России находится за пределами литературного поприща. Рассмотренные стихотворения иезуитов представляют собой умелые образцы не чистой, а утилитарной поэзии (как более изысканно и остроумно определил эти типы словесности французский философ О. Ребуль, «*poésie pure*» – чистая поэзия – и «*poésie roug*» – поэзия для какой-то цели) [24, р. 119]. В них античная и библейская символика, помогающая либо окончательно утвердить жизнеспособность «греческого проекта», либо придать форму новому «христианскому» мифу России, направлена в первую очередь на политические цели. Но есть у них и иное измерение: «утилитарная» поэзия как идеологическое высказывание по строгим правилам поэтики и в соответствии с традиционными ценностными установками становится также риторическим образцом, средством убеждения, воспитания и обучения. В таком статусе оды и дифирамбы полоцких иезуитов 1812 и 1814 годов и становятся достоянием истории литературы и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Le P. Stanislas Zalenski de la Compagnie de Jésus. Les Jésuites de la Russie Blanche. T. 2 / le P. S. Zalenski; traduit du polonais par le P. Alexandre Vivier de la même Compagnie. – Paris: Letouzey et Ané, [1886]. – 492 p.
2. Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques. / P. Pierling. – Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1912. – Т. 5: Catherine II. Paul I. Alexandre I. – 480 p.
3. Кондаков, Д.А. Франкофония ордена иезуитов в Беларуси XVIII – XIX веков / Д.А. Кондаков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2011. – № 10. – С. 2 – 9.
4. Кондаков, Д.А. На присутствие Ея Величества в Белоруссии: оды 1780 года и культурная политика Екатерины II / Д.А. Кондаков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2012. – № 2. – С. 2 – 8.
5. Augustissimo ac Potentissimo Alexandro I. Imperatori et Autocratori Totius Rossiae instituta benevolentissime a Sua Imperatoria Majestate edito calendis martii diplomate et quarto Idus Junii solemnii ritu initiata Academia Polocensis Societatis Jesu d.d.d. – Polociae: In Typographia Academica, 1812. – 48 p.
6. Voltaire Catherine II. Correspondance 1763 – 1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. – Paris: Non Lieu, 2006. – 372 p.
7. Serenissimae Imperatoriae Principi Magnae Duci Catharinae Pawlownae in Auspiciatissimo, cum Serenissimo Coniuge Imperatorio Principe Georgio Holstein-Oldenburgensi Novgorodensi, Tverensi, ac Jaroslavensi Gubernatore Generali Polociam Adventu Diventissima Societas Jesu in Alba Rossia d.d.d. – Polociae: Typis Coll. Soc. Jesu, 1811. – 10 p.
8. Зорин, А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Л. Зорин. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
9. Religion et mœurs des Russes. Anecdotes recueillies par le compte Joseph de Maistre et le P. Grivel, S.J., mises en ordre et annotées par le P. Gagarin, S.J. – Paris: Ernest Leroux, 1879. – 140 с.
10. Де Местр, Ж. Религия и нравы русских. Анекдоты, собранные графом Жозефом де Местром и о. Гривелем / Ж. де Местр; пер. с франц. А.П. Шурбелёва. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2010. – 186 с.
11. Серков, А.И. Русское масонство, 1731 – 2000: Энцикл. слов. / А.И. Серков. – М.: Росспэн, 2001. – 1222 с.

¹ О баронессе Крюденер и ее роли в создании этого мифа см. также [8, с. 300 – 333; 20; 21].

12. Augustissimo ac potentissimo Alexandro I. Imperatori et autocratori totius Rossiae De innumeris hostium Copiis Triumphatori Magno Regnum Regnorumque Pacificatori Magnanimo, fundatori suo clementissimo Academia Polocensis Societatis Jesu. D.D.D. – [Polociae, 1814]. – 74 p.
13. Пономарев, Е. «Письма русского офицера» Федора Глинки как «Путешествие на Запад» / Е. Пономарев // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. – С. 160 – 190.
14. Augustissimo ac potentissimo Paulo I. Imperatori totius Rossiae adnexorumque regnorum, principatum supremo principi ac autocratori haereditarii imperii fasces felicissimis auspiciis capessenti, in ipsoque dominatus limine auos subditos fortunatos reddenti superstes in Alba Russia Soceitas Jesu suo clementissimo conservatori hoc carmen gratissimi animi indicium D.D.D. – [Polociae]: In privilegiata a Sua Imperatoria Maiestate Typographia Polocensi Collegii S. J., 1797. – 105 p.
15. Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2 т. / Иосиф Флавий; пер. с греч. Г.Г. Генкеля. – Минск: Беларусь, 1994. – Т. 2. – 606 с.
16. Синило, Г.В. Танах и мировая поэзия / Г.В. Синило. – Минск: Экономпресс, 2009. – 880 с.
17. Khvostoff, D. Alexandre Ier à Paris: Pièce de vers / D. Khvostoff; traduit par G.J. Deslondes. – Saint-Pétersbourg, 1814.
18. Jourdan, E. L'image d'Alexandre Ier sous la Restauration: du culte à l'oubli (1814-1830) / E. Jourdan [Electronic resource] // La Russie d'Alexandre Ier: réalités, perceptions, mythes; Institut Européen Est-Ouest. – Lyon, Ecole Normale Supérieure LSH, 2005. – Mode of access: http://russie-europe.ens-lyon.fr/article.php?id_article=60. – Date of access: 19.03.2012.
19. Гречаная, Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века) / Е.П. Гречаная. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 383 с.
20. Гречаная, Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797 – 1825) / Е.П. Гречаная. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 320 с.
21. Gretchanaïa, E. Mémoires et journaux intimes féminins rédigés en français dans le premier quart du XIXe siècle: aspects religieux et linguistiques / E. Gretchanaïa [Electronic resource] // La Russie d'Alexandre Ier: réalités, perceptions, mythes; Institut Européen Est-Ouest. – Lyon, Ecole Normale Supérieure LSH, 2005. – Mode of access: http://russie-europe.ens-lyon.fr/article.php?id_article=56. – Date of access: 19.03.2012.
22. Leroy, M. Le Mythe jésuite. De Béranger à Michelet / M. Leroy. – Paris: Presses Universitaires de France, 1992. – 468 p.
23. Леруа, М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле / М. Леруа; пер. с франц. В. Мильчиной. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 464 с.
24. Reboul, O. Langage et idéologie / O. Reboul. – Paris: Presses Universitaires de France, 1980. – 228 p.

Поступила 02.04.2012

1812 – 1814 EVENTS IN POLOTSK JESUITES' POEMS: POETICS AND POLITICS

D. KONDAKOV

The material for the analysis is provided from panegyrics to Alexander I in Russian and French on two occasions: transformation of Polotsk Jesuite College in Academy (1812) and victory of Russian army in anti-Napoleonic campaign (1814). These writings by anonymous Jesuite poets contribute the achievement of Russian monarchy's "Greek project" and the mounting of new Christian myth about Russia. Their sources of symbolic imagery are traditional topics and names borrowed from ancient mythology and prophetic books of the Old Testament and revised in the cultural context of late XVIIIth and early XIXth centuries. Parallels are drawn between Jesuite poems and works dated 1810-s by Russian authors, count D.I. Khvostov and baroness V.-J. Krüdener. The following conclusion is made: writings of Polotsk Jesuites belong to political and cultural ideology and to classical rhetoric's models.